

научная статья
УДК: 327.83
DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.3

Антитеррористическая политика КНР в Синьцзян-Уйгурском автономном районе – повод для международного вмешательства во внутреннюю политику Китая?

Нахимова Дарья Дмитриевна ✉
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Санкт-Петербург, Россия
✉ dnakhimova98@mail.ru

Вавилова Виктория Александровна
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Санкт-Петербург, Россия
juivettzy@yandex.ru

Аннотация. Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая представляет собой конфликтную и сложную территорию, выступающую в качестве сюжета политических, экономических, конфессиональных и иных дискуссий. Социальная политика правительства Китая становится предметом международной полемики и поводом для иностранного вмешательства во внутренние дела государства. Актуальность исследования заключается в изучении первого, с момента начала проведения «реформ открытости» случая иностранного вмешательства во внутреннюю политику крупной мировой державы под предлогом решения глобальных гуманитарных проблем. В статье после лингвистического и дескриптивного, фактологического анализов предложена оценка итогов межгосударственной и меж институциональной полемики 2020–2022 гг. в области защиты прав человека в рамках проведения политики освоения Синьцзян-Уйгурского автономного района. В мае 2020 г. были опубликованы «Руководящие заключения ЦК КПК и Госсовета по развитию Западного региона», в которых была скорректирована политика его освоения. Интерес партии к обширной территории сельскохозяйственных земель, богатой полезными ископаемыми, объясняется не только экономической выгодой, но и социально-политической нестабильностью района. Некоторые меры работы с населением являются результатом реакции на осуществленные террористические акты в регионе и теоретически могут нарушать права человека, что вызывает интерес со стороны международного сообщества. Президент США Дональд Трамп подписал закон «О политике в области прав человека в отношении уйгуров» (2020 г.), который должен урегулировать нарушение прав одной этнической группы в СУАР путем наложения санкций на конкретных лиц. Определено, что в русскоязычной литературе антитеррористическая политика КНР рассматривается как объект для анализа, оценивается как самостоятельное этносоциальное явление и недостаточно изучена в качестве инструмента регулирования международных отношений.

Ключевые слова: терроризм; уйгуры; права человека; интервенция; Китай

Для цитирования: Нахимова Д.Д., Вавилова В.А. Антитеррористическая политика КНР в Синьцзян-Уйгурском автономном районе – повод для международного вмешательства во внутреннюю политику Китая? // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 4. С. 44–63. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.3.

© Нахимова Д.Д., Вавилова В.А., 2023. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 327.83

DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.3

Anti-Terrorist Policy of the People's Republic of China in the Xinjiang Uygur Autonomous Region – a Reason for International Intervention in the Internal Politics of China?

Darya D. Nakhimova ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
✉ dnakhimova98@mail.ru

Viktoriya A. Vavilova

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
juivettzy@yandex.ru

Abstract. *The Xinjiang Uygur Autonomous Region of China is a conflict-ridden and complex territory that acts as a subject of political, economic, confessional and other discussions. The social policy of the Chinese government is becoming the subject of international controversy and a reason for foreign interference in the internal affairs of the state. The relevance of the study lies in the study of the first case of foreign interference in the domestic policy of a major world power under the pretext of solving global humanitarian problems since the beginning of the "openness reforms". In the proposed article, after linguistic and descriptive, factual analyses, an assessment of the results of the interstate and inter-institutional polemics of 2020-2022 in the field of human rights protection in the framework of the development policy of the Xinjiang Uygur Autonomous Region is proposed. In May 2020, the «Guidelines of the CPC Central Committee and the State Council for the Development of the Western Region» were published, in which the policy of its development was adjusted. The party's interest in the vast territory of agricultural land rich in minerals is explained not only by the economic benefits, but also by the socio-political instability of the district. Some measures of work with the population are the result of a reaction to terrorist acts carried out in the region and theoretically may violate human rights, which arouses interest from the international community. US President Donald Trump signed the law «On Human Rights Policy towards Uighurs» (2020), which should regulate the violation of the rights of one ethnic group in the XUAR by imposing sanctions on specific individuals. It is determined that in the Russian-language literature, the anti-terrorist policy of the People's Republic of China is considered as an object for analysis, is evaluated as an independent ethnic social phenomenon and is insufficiently studied as a tool for regulating international relations.*

Keywords: terrorism; Uighur people; human rights; intervention; China

For citation: Nakhimova, D.D., Vavilova, V.A. Anti-Terrorist Policy of the People's Republic of China in the Xinjiang Uygur Autonomous Region – a Reason for International Intervention in the Internal Politics of China? *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 4. P. 44–63. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.3.

© Nakhimova, D.D., Vavilova, V.A., 2023. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

В Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР), находящемся в Северо-Западном регионе Китайской Народной Республики (КНР), проживает более 11 миллионов уйгуров, исповедующих ислам [6]. В условиях увеличения товарооборота между странами, развития транснациональных компаний, совместной инвестиционной политики, роста энергетических и соответственно экологических проблем геополитический интерес к СУАР в контексте развития отношений Китая с Россией, государствами Центральной Азии, Индией, Пакистаном усиливается. СУАР богат сырьевыми ресурсами и имеет выгодное географическое положение, при этом с этносоциальной точки зрения район является нестабильным, и программа его освоения разрабатывается с 1990-х гг. по настоящий момент [7]. Проблема международной безопасности и создания благоприятных условий для роста уровня жизни населения региона является ключевой в государственной повестке.

Основной угрозой для Синьцзян-Уйгурского автономного района являются «три силы»: этническая сепаратистская, религиозно экстремистская и вооруженная террористическая. В 1980-х гг., периоде, характеризующемся сильными послаблениями партийного влияния на культурную и социальную жизнь населения района, были установлены связи между уйгурами и мусульманами стран Ближнего Востока. В 2000-х гг. они достигли своего пика, что выразилось в увеличении количества вооруженных конфликтов. Это повлекло за собой реакцию государства, которое разработало ряд нормативно-правовых актов и внесло поправки в основополагающие документы КНР. На данный момент в СУАР организована строгая система безопасности, что приводит к стабилизации ситуации с террористическими актами в регионе.

Материалы исследования и их обсуждение

Определение терроризма в Китайской народной республике: что является объектом антитеррористической политики

Вплоть до 1997 г. конкретных законов и правовых норм, регламентирующих наказание за терроризм, в китайской судебно-правовой системе не было [4]. В 1979 г. данную область регулировали только первая и вторая главы Уголовного кодекса КНР, посвящённые контрреволюционным преступлениям и созданию угрозы общественной безопасности. Тем самым, до 1997 г. вспышки насилия в Синьцзяне характеризовались в официальных китайских СМИ не как теракты, а как социальные беспорядки на религиозной или этносепаратистской почве [4]. Например, волнения в посёлке Барин уезда Акто СУАР в апреле 1990 г. были названы властями «контрреволюционным мятежом». «Исламское движение группировки Восточного Туркестана» является наиболее известной сепаратистской группировкой, действующей в Синьцзян-Уйгурском автономном районе [7]. Данная организация стала причиной более чем 200 актов терроризма, среди которых: взрыв склада на железнодорожной станции в Урумчи 23 мая 1998 г., похищение 247 000 юаней в Урумчи 4 февраля 1999 г., взрыв в Хотане 25 марта 1999 г. и вооруженное сопротивление, оказанное при аресте в округе Синьхэ 18 июня 1999 г. В результате этих действий 140 человек погибли и 371 получили ранения.

После всемирно известного теракта 11 сентября 2001 г. в США Китай поддержал резолюцию Совета безопасности ООН №1373 и внёс поправки в статьи УК КНР, направленные на борьбу с терроризмом [3]. В новой редакции документа особо отмечено, что она принимается только с целью наказать за преступления террористической направленности (финансовая помощь, распространение отравляющих веществ, сообщение ложной информации), гарантировать безопасность государства, охрану жизни и собственности граждан, защитить общественный порядок.

Контртеррористическая операция полиции в уезде Акто 6 января 2007 г. положила начало новой волне террористических актов. В последующие года были совершены такие террористические акты как: Террористический акт в Кашгаре 4 августа 2008 г., взрыв в Аксу 19 августа

2010 г., атака в Хотане 18 июля 2011 г., террористический акт в Кашгаре 30–31 июля 2011 г., захват заложников в Гуме 28 декабря 2011 г., попытка угона китайского авиалайнера в Хотане 29 июня 2012 г.

Новые поправки к уголовному законодательству от 29 августа 2015 г. сильнее ужесточили ответственность за экстремистскую деятельность [3] (приготовление оружия, обучение, пропаганда, понуждение других лиц путем насилия и угроз). Помимо поправок к Уголовному Кодексу 27 декабря 2015 г. Постоянным Комитетом ВСНП был принят Закон КНР о противодействии терроризму, который регламентировал борьбу с терроризмом по следующим направлениям [20]:

1. пропаганда и образование, управление кибербезопасностью, проверка информации о перевозимых и отправляемых грузах, контроль опасных веществ, предотвращение финансирования терроризма, городское и сельское планирование;

2. осуществление административного контроля государственных границ и предотвращение опасности из-за границы, включая функции пограничного регулирования, контроль и управление въездом и выездом, защита за границей интересов Китая, меры внутренней безопасности в загранучреждениях и т. д.

В Китае действует закон в сфере противодействия терроризму, принятый на 18-й сессии Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 12-го созыва «Закон Китайской Народной Республики о противодействии терроризму» от 27 декабря 2015 г., вступивший в силу 1 января 2016 г. [3]. В данном законе термин «терроризм» означает применение насилия, запугивания и других средств для создания социальной паники, угрозы общественной безопасности, посягательства на личную собственность или принуждения государственных органов к достижению личностных целей [20]. По закону КНР ведет борьбу против любой формы терроризма: преследование террористических организаций, привлечение к юридической ответственности за пропаганду, организацию, планирование, подстрекательство, подготовку, осуществление террористических актов, преследование иностранных лиц, ведущих террористическую деятельность [18].

Также антитеррористический закон регламентировал создание государственного информационного центра по борьбе с терроризмом и

внедрение системы межведомственного информационного взаимодействия; установил, что органы государственной и общественной безопасности ведут контртеррористическую работу и проверяют информацию о террористических актах, при наличии разрешения могут проводить технические разведывательные мероприятия, могут истребовать информацию, делать запросы, приостанавливать операции, замораживать сделки, накладывать арест, принимать ограничительные меры в отношении подозреваемого [3].

*Этапы проведения антитеррористической политики КНР в СУАР и
методы борьбы с экстремизмом в социальной среде: экономика и
образование на страже безопасности*

Помимо широкой нормативно-правовой базы с 4-го Пленума ЦК КПК 15 созыва в сентябре 1999 г. проводится экономическая программа «Развития (освоения) западных районов (Китая)» (西部大开发), получившая также название «План большого освоения Запада» [16]. Её целью стало финансовое благосостояние и равенство всех членов общества на основе промышленных и сельскохозяйственных производств. Реализация концепции была рассчитана на 50 лет, подразумевала 3 этапа:

1. Целью первого этапа (2001–2010 гг.) являлось достижение первичного уровня индустриализации, среднегодового роста ВВП в 10% и его увеличения до 4,78 трлн юаней. Приоритетным являлось развитие инфраструктуры.

2. Целью второго этапа (2011–2030 гг.) при темпах роста ВВП 6,9% в год – достижение совокупного ВВП к 2030 г. в 18,13 трлн юаней. Это должно было быть достигнуто за счет модернизации промышленности и совершенствования структуры производства.

3. Целью третьего этапа (2031–2050 гг.) должны были стать, как и в масштабах всего Китая, осуществление социалистической модернизации, поддержание темпов прироста ВВП на уровне 4% и достижение совокупного ВВП к 2050 г. в 40 трлн юаней [5].

В ходе реализации новая экономическая политика подвергалась коррективам. В декабре 2006 г. Госсовет КНР одобрил «11-й пятилетний план Западного развития», в котором акцент был сделан на повышении стандартов уровня жизни местного населения [1]. С 2000 по 2008 гг. ВВП

западных провинций увеличился до 4745,5 млрд юаней при среднегодовых темпах роста 11,6% (как и было запланировано), при этом государственные инвестиции составили почти 1,5 трлн юаней [21]. Непрерывная реализация трехлетнего плана по обеспечению занятости 100 000 человек в Южном Синьцзяне (2018–2020 гг.) позволила обеспечить занятость 75 000 человек из числа рабочей силы глубоко бедных семей; благодаря развитию трудоемких отраслей для обеспечения занятости, организованному переводу рабочих мест и предпринимательству для обеспечения занятости, с 2016 по 2018 г. в Синьцзяне появилось в общей сложности 100 000 новых городских и сельских жителей. 1,408 миллионов человек трудоустроены, и 8,305 миллионов человек переведены из избыточной сельской рабочей силы в занятость; три года реализуется программа бесплатного дошкольного образования для интеграции в городские и сельские районы на юге Синьцзяна; внедрены бесплатные медицинские осмотры для всего населения, страхование на случай серьезных заболеваний полностью покрывается.

Для контроля за реализацией политики освоения Запада в СУАР был подключен дополнительный административный орган – Синьцзянский производственно-строительный корпус (新疆生产建设兵团) [17]. На протяжении 1990-х гг. аппарат безопасности Корпуса постоянно укреплялся, и руководство Корпуса активно участвовало в каждой кампании по обеспечению стабильности и общественного порядка. Структура органа включает сельскохозяйственные полки, промышленные, строительные, транспортные и торговые предприятия, социально значимые объекты: школы, больницы, университеты и является основным учреждением для этнической ханьской (китайской) ассимиляции Синьцзяна. Сегодня СПСК насчитывает 2,8 миллиона членов, или 14 % населения Синьцзяна, и играет значительную роль в экономике региона [2].

Для соблюдения политики уголовного снисхождения и усиления эффективности гуманитарной программы были учреждены «центры профессиональной и образовательной подготовки» (职业和教育培训中心) в СУАР. Образовательный центр – это учреждение, созданное в соответствии с законом для обучения и социальной адаптации лиц, совершивших незначительные преступные действия или противоправные

деяния, устранения влияния терроризма и экстремизма. В настоящее время в образовательные центры набираются три категории учащихся:

1) те, кого подстрекали, вовлекали силой или обманом в террористическую или экстремистскую деятельность, но их личное участие и степень опасности подобного поведения не позволяют квалифицировать его как серьёзное преступление;

2) участвовавшие в террористической или экстремистской активности, которая потенциально несла угрозу, но в результате их действий не был нанесён реальный общественный вред;

3) те, кто уже отбыл наказание за террористическую или экстремистскую деятельность, но по тем или иным причинам был признан потенциально опасным для общества и по решению суда был отправлен в образовательный центр.

Для первого и третьего типов учащихся, в соответствии с положениями статей 29 и 30 закона Китайской Народной Республики «О борьбе с терроризмом», государство должно осуществлять помощь в обучении и трудоустройстве. Абитуриенты второго типа, в соответствии с уголовной политикой снисхождения, должны признать свою вину и раскаяться, согласится на обучение в образовательном центре после того, как они будут освобождены от наказания по решению суда. Судебные органы гарантируют обвиняемому право на защиту и право использовать язык и письменность его собственной национальности для подачи судебных исков в соответствии с законом.

В процессе обучения и переподготовки осуществляется продвижение от изучения национального общего языка и письменности к получению юридических знаний и приобретению профессиональных навыков, таких как обработка одежды, обуви и головных уборов, работа в сфере пищевой промышленности, сборка электронных изделий, набор текста и полиграфия, предоставление услуг в сфере красоты и электронной коммерции. Студенты могут овладеть 1–2 профессиональными навыками.

Несмотря на то, что руководство Синьцзяна проводит работу по радикализации в соответствии с законом для контроля за незаконной религиозной деятельностью в рамках программы «семь входов и два выхода», предполагающая развитие инфраструктуры и строительства «девять оборудованных» мечетей, в образовательном центре проводится

разделение образования и религии: учащимся школы не разрешается организовывать религиозные мероприятия на территории кампуса или участвовать в них.

Учебно-тренировочный центр интегрирует борьбу с экстремизмом во весь процесс образования и подготовки и раскрывает опасность терроризма и экстремизма посредством поэтапного изучения законов и нормативных актов, этнической и религиозной политики и религиозных знаний, чтобы учащиеся могли глубоко осознать, что идеи религиозного экстремизма полностью противоречат религиозным учениям.

Образовательный центр – это пансион, оснащенный консультантами, врачами, менеджерами логистических служб, из которого студенты могут регулярно возвращаться домой. К 2018 г. через «образовательные центры» прошли от 800 тысяч до 1,5 млн человек. Синьцзянские власти заявляют, что большая часть обучающихся вернулась в общество, многие из них нашли работу на заводах и предприятиях, основали собственный бизнес. Некоторые также продолжили обучение в «образовательных центрах более высокой степени» с целью повысить свои шансы трудоустройства.

В рамках усиления режима безопасности в Синьцзяне в 2016–2017 гг. была осуществлена масштабная кампания по увеличению численности подразделений народной вооружённой полиции и по созданию обширной сети полицейских участков и блокпостов, а также «умных» систем видеонаблюдения и профилирования населения с использованием биометрической и другой информации личного характера. В результате реализованных мер безопасности к 2018 г. туристическая индустрия Синьцзяна пошла в рост, приняв более 150 миллионов внутренних и иностранных туристов, что на 40% больше, чем в предыдущем году. Общий объем туристического потребления составил 252,2 миллиарда юаней, увеличившись на 41,6% по отношению к предыдущему году [18].

В марте 2019 г. Госсовет КНР опубликовал Белую книгу «Борьба с терроризмом и экстремизмом и защита прав человека в Синьцзяне», в которой были кратко изложены основные результаты проведения работы по борьбе с терроризмом в регионе. Согласно ей с 2014 г. в Синьцзяне было уничтожено 1588 бандитских и террористических группировок, арестованы 12 995 экстремистов, изъято 2052 взрывных устройства, а также проведены расследования по факту организации 4858 незаконных

религиозных мероприятий с участием в общей сложности 30 645 человек, конфисковано 345 229 копий незаконных религиозных материалов. В книге заявляется, что Синьцзян принял решительные меры по проведению антитеррористической борьбы и дерадикализации в соответствии с законом, обеспечивая соблюдение основных прав людей всех этнических групп, таких как право на существование и развитие.

В книге перечислены принятые властями автономного района меры по повышению уровня жизни населения и реализации проектов в области занятости, образования, медицинского обслуживания, социального обеспечения и других областях. Всё это, по мнению китайского руководства, позволило добиться высоких результатов. Так, в течение последних трёх лет в СУАР не было зафиксировано ни одного теракта, что говорит о том, что угроза религиозного экстремизма была в значительной степени ликвидирована.

По состоянию на 2022 г. ВВП Синьцзяна составлял около 1,774 трлн юаней (263 млрд долларов США). Экономическому росту способствовало открытие богатых запасов угля, нефти, газа, а также программа «красного (овощи), белого (хлопок, текстиль) и черного (нефть, газ) производств». На юге Синьцзяна, где 95% населения не ханьцы, средний доход на душу населения вдвое ниже, чем в Синьцзяне в целом. Кроме того, за последние 10 лет при сокращении официальной безработицы с 3,2 до 2,1% наметился и рост средней заработной платы в регионе в год. С 2008 г. по 2019 г. она выросла почти в 4 раза и составила 79421 юань [19]. Так же зафиксирован рост урбанизации в регионе. Согласно 7-й национальной переписи населения Китая, в 2020 г. по сравнению с 2010 г. городское население СУАР увеличилось на 5 277 870 человек, а сельское население уменьшилось на 1 241 340 человек [8].

С точки зрения этнического населения района «Большое освоение Запада» воспринимается как проявление колониализма [14]. Спровоцирована крупномасштабная миграция ханьцев в Синьцзян [10]. В 1949 г. уйгуры насчитывали около трех четвертей жителей провинции, а на долю ханьцев приходилось всего 7%. Согласно данным 7-й общенациональной переписи, на конец октября 2020 г., численность населения автономного района достигла 25,85 млн человек, из которых представители национальности хань составляют 42,24%, а представители

национальных меньшинств – 57,76%, из них 44,96% – уйгуры [8]. Приток ханьцев способствует экономическому неравенству: в качестве жилья, уровне зарплат, должностях, занимаемых на предприятиях [15].

Несмотря на внесение поправок в уголовный кодекс и создание антитеррористического закона, административная правовая база остается слабо проработанной. Так, при принятии административных решений из центра зачастую не учитывается национальная специфика этнических меньшинств, в первую очередь их традиции, обычаи и религия.

В 2020 г. ЦК КПК акцентировал внимание на трудностях реализации этой программы и ее приоритетах. Приоритетами по-прежнему является строительство нефте- и газопроводов, включение региона в проект «Пояс – путь», обеспечение экологической стабильности с помощью инициативы «Три базы, один канал». В июне 2021 г. под руководством премьер-министра Госсовета Ли Кэцзяна был утвержден план развития западных провинций в рамках 14-й пятилетки (2021–2025), который не предполагает решения реальных этносоциальных проблем, тормозящих экономическое развитие.

*Оценка внутренней этносоциальной политики государства в
соответствии с международными стандартами:
причина иностранного вмешательства*

В «Белой книге» говорится, что «борьба с терроризмом и дерадикализацией в Синьцзяне является важной частью борьбы международного сообщества с терроризмом и полностью соответствует целям и принципам Организации Объединенных Наций по борьбе с терроризмом и защите основных прав человека» [18]. Между тем Управление Верховного комиссара ООН по правам человека (УВКПЧ) 31 августа 2022 г. по итогам визита комиссара по правам человека Мишель Бачелет в Китай опубликовало отчет о нарушении прав человека в СУАР. Визиту представителя ООН в КНР предшествовало несколько событий.

В 2004 г. Американской уйгурской ассоциацией был начат Проект по правам человека уйгуров (UHRP), который продвигает права уйгуров и других тюркских мусульманских народов в Восточном Туркестане (СУАР) посредством пропаганды, основанной на исследованиях [13]. В 2016 г. Проект перешел в статус независимой некоммерческой организации. Участники проекта публикуют отчеты и анализы на английском и

китайском языках в целях защиты гражданских, политических, социальных, культурных и экономических прав уйгуров в соответствии с международными стандартами прав человека, представляют отчеты и политические рекомендации правительствам и многосторонним органам, таким как ООН и ЕС. Публикации последних 3 лет посвящены транснациональным репрессиям Китая в отношении уйгуров.

Возможно, активная деятельность организации привела к подписанию президентом США Дональдом Трампом 17 июня 2020 г. закона S.3744 «О политике в области прав человека в отношении уйгуров» [12]. Закон, осуждающий грубые нарушения прав человека этнических тюркских мусульман в Синьцзяне и призывающий положить конец произвольным задержаниям, пыткам и притеснениям в отношении этих общин внутри и за пределами Китая. В формулировке документа присутствуют такие выражения как «грубые нарушения прав человека», «ответственность за зверства против уйгуров», «репрессии», «массовое интернирование и наблюдение», «задержание», «принудительный труд», что говорит о резко негативной оценке антитеррористической политики КНР в регионе и предполагает введение санкций против отдельных чиновников и организаций страны. Данный акт был уточнён законом H.R. 6256 «О предотвращении принудительного труда уйгуров», подписанным президентом Джо Байденом 23 декабря 2021 г. [11]. Закон гарантирует, что товары, изготовленные с использованием принудительного труда в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китайской Народной Республики, не поступят на рынок Соединенных Штатов, а против людей и организаций, причастных к принудительному труду, будут введены санкции. При этом факт использования принудительного труда является «опровержимой презумпцией». Данные меры наказания органично вписываются в политику «торговой войны» между двумя странами.

Соединенные Штаты Америки – не единственный актор международных отношений, которому небезразлична судьба национальных меньшинств Китайской Народной Республики. С конца 2017 г. в Управление Верховного комиссара ООН по правам человека стали поступать многочисленные обращения о безвестно пропавших людях в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. В 2018 г. рабочая группа ООН сообщила о резком увеличении числа случаев исчезновения людей в связи

с введением «лагерей перевоспитания» (образовательных центров). Были озвучены такие нарушения прав человека как: произвольное задержание в широких масштабах, пытки, жестокое обращение, включая сексуальное насилие и принудительный труд, задержания под предлогом противодействия религиозному экстремизму. В том же году был запрошен доступ к проверке данных утверждений, на что Китайская народная республика направила Верховному комиссару по правам человека приглашение посетить Китай в сентябре 2018 г. Из-за пандемии COVID-19 визит был перенесен на март 2022 г. В ходе подготовки к нему был проведен анализ доказательств, задокументированных УВКПЧ (например, кадры съемки со спутника), и опубликованных законов и публичных выступлений во время поступления сообщений о нарушениях прав человека. В качестве дополнения к обширному объему документации УВКПЧ также провело, в соответствии со своей стандартной практикой и методологией, 40 углубленных интервью с лицами, непосредственно знакомыми с ситуацией в СУАР (24 женщины и 16 мужчин; 23 уйгура, 16 этнических казахов, 1 этнический киргиз). 26 опрошенных заявили, что они либо содержались под стражей, либо работали в различных учреждениях по всему СУАР. Большинство интервью проводились удаленно по соображениям, связанным с COVID и/или безопасностью.

В мае 2022 г. комиссар по правам человека Мишель Бачелет посетила Синьцзян с официальным визитом, итоги которого были отражены в отчете «Оценка УВКПЧ проблем в области прав человека в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китайской Народной Республики», опубликованном 31 августа 2022 г. [9]. Документ содержит следующие разделы: правовые и политические рамки Китая в области противодействия терроризму и «экстремизму», ясность и охват понятий «терроризм» и «экстремизм», методологии, применяемые для выявления подозреваемых и лиц, «находящихся в группе риска», масштабы и характер мер реагирования на предполагаемые «террористические» или «экстремистские» действия, широта полномочий по предупреждению, расследованию и принуждению, а также степень надзора и возмещения ущерба, тюремное заключение и другие формы лишения свободы, направления в «Центры профессионального образования и переподготовки», содержание под стражей в рамках системы уголовного

правосудия, условия и обращение в «Центрах профессионального образования и переподготовки», религиозная, культурная и языковая самобытность и самовыражение, права на неприкосновенность частной жизни и свободу передвижения, репродуктивные права, занятость и трудовые вопросы, проблемы разлучения семей и репрессий, разлучение семей и насильственные исчезновения, запугивания, угрозы и репрессии. В результате расследования было сделано заключение о наличии нарушении прав человека в СУАР и высказано предположение о широких масштабах нарушений. Учитывая охват анализа по одному социологическому опросу: из 25 миллионов жителей района опросили всего 40 человек и только 26 из них подтвердили нарушения, можно сделать вывод о несостоятельности оценки и необходимости доработки исследования. Встречный доклад КНР, опубликованный вслед за отчетом ООН, отчасти предоставил недостающие сведения.

Тем не менее оценка УВКПЧ стала основой для проекта дебатов по Синьцзян-Уйгурскому автономному району, внесенному группой государств во главе с США в Совет по правам человека ООН. Проект предполагал проведение прений о положении в области прав человека в СУАР на 52-й сессии Совета по правам человека в 2023 г. Помимо Китая, считающего обвинением в нарушении прав уйгуров политизированными, против инициативы проголосовали 18 стран, среди них: ближайший сосед – Пакистан, Венесуэла, Индонезия и Куба. 11 делегаций, включая индийскую, бразильскую, мексиканскую и украинскую, воздержались. В поддержку инициативы выступили 17 государств. Российская Федерация, вышедшая из Совета по правам человека в апреле 2022 г., в голосовании участия не принимала. Если бы проект был принят, то в деятельности Совета по правам человека при ООН возникла бы первая практика отдельного обсуждения прав человека в Китае.

Заключение

В результате данного исследования удалось выявить две противоположные точки зрения на положение уйгуров в СУАР. Согласно китайскому представлению, регион Синьцзян является не только родиной этнических групп (уйгуров, ханьцев, казахов, монголов, хуэйцев, киргизов, маньчжуров, сибиряков, таджиков, дауров, узбеков, татар и русских), но и

неотъемлемой частью общей родины китайской нации. Уйгуры сформировались после длительной миграции и этнической интеграции и не имеют тюркского происхождения. Культуры Синьцзяна, находящаяся под влиянием исламской культуры, принадлежит китайской цивилизации и является частью китайской культуры. Укрепление китайской культурной самобытности является основой процветания и развития культур всех этнических групп в Синьцзяне. Из этого следует, что сосуществование одной или двух религий и множественных религий является исторической характеристикой религиозной структуры Синьцзяна. Искажение истории Синьцзяна и преувеличение культурных различий между этническими группами является экстремистской деятельностью таких группировок как «Восточный Туркестан» и «Священная война и мученичество на небесах».

С точки зрения правительства США и располагающей на территории страны Американской уйгурской организации уйгуры – это народ, имеющий тюркское происхождение и культуру, проживающий в районе Центральной Азии, называемом «Восточный Туркестан», находящимся под контролем китайского правительства в виде поселенческой колониальной оккупации. История уйгурской культуры длится почти 4000 лет. До принятия ислама в X веке уйгуры исповедовали буддизм, манихейство и несторианское христианство и говорили на особом языке, написанном на латыни, кириллице и арабском алфавите. С 2017 года китайское правительство осуществляет в Синьцзяне преступления против человечности, произвольно удерживая около 1,8–3 миллионов уйгуров и других тюркских народов в лагерях перевоспитания и еще сотни тысяч в тюрьме. Права человека в отношении уйгуров нарушаются путем произвольного задержания и исчезновения людей, принудительного труда, пытки, сексуального насилия, разрушения культурных и религиозных объектов.

К сожалению, в рамках данного исследования точку зрения самих уйгуров узнать достаточно сложно ввиду недостаточного количества источников достоверной информации для анализа. Труднодоступными для иностранных исследователей остаются многие статистические данные о населении района и результатах антитеррористической политики и политики освоения Запада. Зачастую источниками информации становятся либо опубликованные официальные государственные отчеты правительства Китая, либо данные легальной разведки или

непрофессионального индивидуального журналистского расследования, основанного на социальном опросе бывших граждан СУАР. Возможно потому отчет после очного визита в район третьей, независимой стороны конфликта – Комитета по правам человека ООН – является недостаточным для формирования четкого представления о наличии и масштабах нарушений прав человека в Синьцзян-Уйгурском автономной районе, которое может послужить причиной полноправного иностранного государственного вмешательства во внутреннюю политику Китая.

Однако не стоит забывать, что СУАР – крупнейший регион Китая, занимающий одну шестую его общей территории, богатый такими ресурсами, как уголь, газ, нефть, литий, цинк и свинец. Район имеет общие внешние границы с Афганистаном, Индией, Казахстаном, Кыргызстаном, Монголией, Пакистаном, Россией и Таджикистаном, и обеспечивает доступ к рынкам Центральной Азии. Во многих геополитических моделях он является ключом к главным сухопутным торговым артериям мира, потому представляет большой экономический интерес, который подогревается закрытостью региона от иностранных вмешательств. Исходя из этого, политика иностранных государств по защите прав уйгуров может быть расценена как попытка вмешательства во внутренние дела Китая с целью дестабилизации пограничного района. Однако для регулирующей модели «динамической стабильности», распространенной в странах Восточной Азии, характерно наличие нескольких небольших неразрешенных конфликтов, что говорит об устойчивости страны к внешним интервенциям.

В результате исследования выявлено наличие последовательной реакционной политики правительства Китайской народной республики в отношении тюркоязычного населения района, который вплоть до 2016 г. был сотрясаем террористическими актами на экстремистской основе. Методы борьбы государства с нестабильностью в районе рассматриваются мировым сообществом как самостоятельное явление, не имеющее предпосылок и нарушающее права человека. Подобную избирательность в трактовке действительности авторы исследования объясняют экономическим интересом других государств к богатому ресурсами приграничному району Китая. Для видимости законного вмешательства во внутреннюю политику государства был привлечен межгосударственный

институт, глобальный политический актор - Комитет по правам человека ООН, комиссар которого по приглашению китайской стороны имел возможность личного визита в СУАР для составления независимого мнения по вопросу нарушения прав человека в отношении уйгуров. На данном этапе, ввиду отсутствия достаточного количества информации, Комитет не может дать точное определение наличию и масштабам нарушения прав человека в районе, потому не имеет возможности вмешаться во внутренние дела Китая.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Баженова Е.С., Островский А.В. Синьцзян – горизонты нового Шелкового пути. М.: Издательство МБА, 2016. 276 с.
2. Буяров Д.В. Политика «Большого освоения запада» в Синьцзян-Уйгурском автономном регионе Китая // Манускрипт. 2021. Т. 14. Вып. 12. [эл. доступ]. URL: <https://www.gramota.net/articles/mns20210501.pdf> (дата обращения: 07.07.2023).
3. Лун Ч., Коротких Н.Н. Исследование вопросов, касающихся контроля над террористической и экстремистской преступностью в России и Китае // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2017. № 4. С. 92–106.
4. Сизов В.Г. Эволюция подходов китайского руководства к проблеме противодействия терроризму // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 2 (59). С. 134–154.
5. Сыроежкин К.Л. Синьцзян: большой вопрос для Китая и Казахстана. Алматы: ИМЭП при Фонде первого президента, 2015. 336 с.
6. Фролова И.Ю. Экономическая политика КНР в Синьцзян-Уйгурском автономном районе в контексте интересов стран Центральной Азии // Проблемы национальной стратегии. 2014. №4 (25). С. 65–85.
7. Яо Ван. Синьцзян-Уйгурский автономный район и политика КНР в контексте современных вызовов международной безопасности: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Москва, 2015. 218 с.
8. Main Data of Xinjiang Uygur Autonomous Region from the Seventh National Population Census. 16.06.2021. [эл. доступ]. URL: <https://web.archive.org/web/20220613171035/https://www.fmprc.gov.cn/ce/cgtrt/eng/new/s/t1884310.htm> (дата обращения: 20.10.2023).
9. OHCHR Assessment of human rights concerns in the Xinjiang Uyghur Autonomous pdf (дата обращения: 20.10.2023).
10. Tyler, C. Wild West China: The Taming of Xinjiang. New Brunswick: Rutgers University Press, 2004. 336 p.
11. Uyghur Forced Labor Prevention Act. 2021. [эл. доступ]. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-117publ78/html/PLAW-117publ78.htm> (дата обращения: 20.10.2023).
12. Uyghur human rights policy act. 2020. [эл. доступ]. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-116publ145/html/PLAW-116publ145.htm> (дата обращения: 20.10.2023).

14. Wiemer, C. The Economy of Xinjiang // *Xinjiang: China's Muslim Borderland* / ed. by S. F. Starr. New York: M. E. Sharpe, 2004. P. 163–189.
15. Zang, X. Uyghur-Han Earnings Differentials in Ürümchi // *The China Journal*. 2011. № 65(65). P. 141–155.
16. 1999 сибу да кайфа 1999: 西部大开发 [1999: Ускоренное развитие западных регионов]. [эл. доступ]. URL: https://news.ifeng.com/special/cn30years/dashiji/200810/1020_4840_837962.shtml (дата обращения: 20.10.2023).
17. Гоцзя тунци цзюй 2021 нянь ди 9 тунци дучацзу сянь Синьцзян-Вэйуэр цзычжицзюй, Синьцзян шэнчань цзяньшэ бинтуань фанькуй тунци дуча ицзянь 国家统计局 2021 年第 9 统计督察组向新疆维吾尔自治区、新疆生产建设兵团反馈统计督察意见 [9-я статистическая инспекционная группа Национального бюро статистики в 2021 году предоставит обратную связь по заключениям статистической проверки Синьцзян-Уйгурскому автономному району и Синьцзянскому производственно-строительному корпусу]. [эл. доступ]. URL: http://www.stats.gov.cn/xw/tjxw/tjdt/202302/t20230202_1894959.html (дата обращения: 20.10.2023).
18. «Синьцзян дэ фанькун. шойцидваньхуа доучжэн юй жэньцюань баочжан» Байпишу 《新疆的反恐、去极端化斗争与人权保障》白皮书 [Белая книга «Борьба с терроризмом и экстремизмом и защита прав человека в Синьцзяне»] // Пресс-канцелярия Госсовета КНР, 2019. [эл. доступ]. URL: <http://www.scio.gov.cn/ztk/dtzt/39912/40016/40018/Document/1649859/1649859.htm> (дата обращения: 01.03.2023).
19. Чжунго тунци няньцзянь 中国统计年鉴 [Китайский статистический ежегодник]. 2020. [эл. доступ]. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/nds/2020/indexch.htm> (дата обращения: 20.10.2023).
20. Чжунхуа жэньминь гунхэго фанькунбу чжуи фа 《中华人民共和国反恐怖主义法》. [Закон КНР о противодействии терроризму (27.12.2025)]. [эл. доступ]. URL: https://m.thepaper.cn/baijiaohao_12187832 (дата обращения: 01.03.2023).
21. Юй Цзинь 于今. Чжунго сибу дакайфа дэ цзинянь, цзяосюнь юй чжаньван 中国西部大开发的经验、教训与展望 [Опыт, уроки и перспективы ускоренного развития западных регионов Китая]. 2019. [эл. доступ]. URL: <http://www.cre.org.cn/qy/xibu/15253.html> (дата обращения: 20.10.2023).

REFERENCES

1. Bazhenova E.S., Ostrovskij A.V. Sinczyan – gorizonty novogo Shelkovogo puti [Xinjiang - the Horizons of the New Silk Road]. M.: Izdatelstvo MBA, 2016. 276 p. (in Russ.).
2. Buyarov D.V. Politika «Bol'shogo osvoyeniya zapada» v Sin'tszyan-Uygurskom avtonomnogo regione Kitaya [The policy of the “Great Western Development” in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region of China]. *Manuscript*. 2021. T. 14. Vip. 12. Available at <https://www.gramota.net/articles/mns20210501.pdf> (accessed: 07.07.2023). (in Russ.).
3. Lun Ch., Korotkih N.N. Issledovanie voprosov, kasayushchihsya kontrolya nad terroristicheskoy i ekstremistskoj prestupnost'yu v Rossii i Kitae [Research of Issues Related to the Control of Terrorist and Extremist Crime in Russia and China]. *Aziatsko-Tihookeanskij region: ekonomika, politika, pravo*. 2017. № 4. P. 92–106. (in Russ.).
4. Sizov V.G. Evolyuciya podhodov kitajskogo rukovodstva k probleme protivodejstviya terrorizmu [Evolution of the Chinese Leadership's Approaches to the Problem of Countering Terrorism]. *Problemy nacional'noj strategii*. 2020. № 2 (59). P. 134–154. (in Russ.).

5. Syroezhkin K.L. Sinczyan: bolshoj vopros dlya Kitaya i Kazahstana [Xinjiang: a Big Question for China and Kazakhstan]. Almaty: IMEP pri Fonde pervogo prezidenta, 2015. 336 p. (in Russ.).
6. Frolova I.Yu. Ekonomicheskaya politika KNR v Sinczyan-Ujgurskom avtonomnom rajone v kontekste interesov stran Centralnoj Azii [China's Economic Policy in the Xinjiang Uygur Autonomous Region in the Context of the Interests of Central Asian Countries]. *Problemy nacionalnoj strategii*. 2014. №4 (25). P. 65–85. (in Russ.).
7. Yao Van. Sinczyan-Ujgurskij avtonomnyj rajon i politika KNR v kontekste sovremennyh vyzovov mezhdunarodnoj bezopasnosti [Xinjiang Uygur Autonomous Region and China's Politics in the context of modern challenges to international security]: dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata politicheskikh nauk. Moskovskij gosudarstvennyj universitet imeni M.V. Lomonosova. Moskva, 2015. 218 p. (in Russ.).
8. Main Data of Xinjiang Uygur Autonomous Region from the Seventh National Population Census. 16.06.2021. Available at <https://web.archive.org/web/20220613171035/https://www.fmprc.gov.cn/ce/cgtr/eng/news/t1884310.htm> (accessed: 20.10.2023).
9. OHCHR Assessment of human rights concerns in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region, People's Republic of China. 31 August 2022. Available at <https://www.ohchr.org/sites/default/files/documents/countries/2022-08-31/22-08-31-final-assesment.pdf> (accessed: 20.10.2023).
10. Tyler, C. *Wild West China: The Taming of Xinjiang*. New Brunswick: Rutgers University Press, 2004. 336 p.
11. Uyghur Forced Labor Prevention Act. 2021. Available at <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-117publ78/html/PLAW-117publ78.htm> (accessed: 20.10.2023).
12. Uyghur human rights policy act. 2020. Available at <https://www.govinfo.gov/content/pkg/plaw-116publ145/html/plaw-116publ145.htm> (accessed: 20.10.2023).
13. Uyghur Human Rights Project. Available at <https://uhrp.org> (accessed: 20.10.2023).
14. Wiemer, C. *The Economy of Xinjiang // Xinjiang: China's Muslim Borderland / ed. by S. F. Starr*. New York: M. E. Sharpe, 2004. P. 163–189.
15. Zang, X. Uyghur-Han Earnings Differentials in Ürümqi. *The China Journal*. 2011. № 65(65). P. 141–155.
16. 1999 sibu da kaifa 1999: 西部大开发. [1999: Western Development.] Available at https://news.ifeng.com/special/cn30years/dashiji/200810/1020_4840_837962.shtml (accessed: 20.10.2023). (In Chin.).
17. Guojia tongji ju 2021 nian di 9 tongji duchazu xiang Xinjiang Weiuer zizhiqu, Xinjiang Shengchan jianshe bingtuan fankui tongji ducha yijian 国家统计局 2021 年第 9 统计督察组向新疆维吾尔自治区督察意见 [9 The 1st Statistical Inspection Team of the National Bureau of Statistics will Provide Feedback on the Statistical Inspection Conclusions to the Xinjiang Uyghur Autonomous Region and the Xinjiang Production and Construction Corps in 2021]. Available at http://www.stats.gov.cn/xw/tjxw/tjdt/202302/t20230202_1894959.html (accessed: 20.10.2023). (In Chin.).
18. “Xinjiang de fankong, qu jiduan hua douzheng yu renquan baozhang” baipishu 《新疆的反恐、去极端化斗争与人权保障》白皮书 [White Book “The Fight Against Terrorism and Extremism and the Protection of Human Rights in Xinjiang”]. *Press-Office of the State Council of the People's Republic of China*, 2019. Available at <http://www.scio.gov.cn/ztk/dtzt/39912/40016/40018/Document/1649859/1649859.htm> (accessed: 01.03.2023). (In Chin.).

19. Zhongguo tongji nianjian 中国统计年鉴 [Statistical Yearbook of China]. 2020. Available at <https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2020/indexch.htm> (accessed: 20.10.2023). (In Chin.).
20. “Zhonghua renmin gongheguo fankunbu zhuyi fa” 《中华人民共和国反恐怖主义法》. [Anti-terrorism legislation of the People's Republic of China]. Available at https://m.thepaper.cn/baijiahao_12187832 (accessed: 01.03.2023). (In Chin.).
21. Yu Jin 于今. Zhongguo xibu dakaifa de jinyan, jiaoxun yu zhanwang 中国西部大开发的经验、教训与展望 [Experience, Lessons and Prospects for China's Western Development]. 2019. Available at <http://www.cre.org.cn/qy/xibu/15253.html> (accessed: 20.10.2023). (In Chin.).

Сведения об авторах / Information about authors

Нахимова Дарья Дмитриевна – магистрант Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
E-mail: dnakhimova98@mail.ru

Вавилова Виктория Александровна – магистрант Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
E-mail: juivettzy@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Nakhimova Darya D. – Master's degree, Higher School of International Relations, Institute of Humanities. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.
E-mail: dnakhimova98@mail.ru

Vavilova Viktoria A. – Master's degree, Higher School of International Relations, Institute of Humanities. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.
E-mail: juivettzy@yandex.ru

Authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 31.10.2023. Одобрена после рецензирования 29.11.2023. Принята 30.11.2023
Received 31.10.2023. Approved after reviewing 29.11.2023. Accepted 30.11.2023*